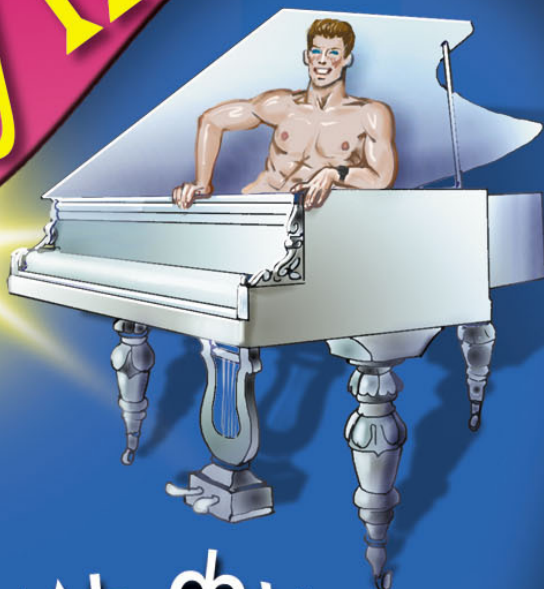
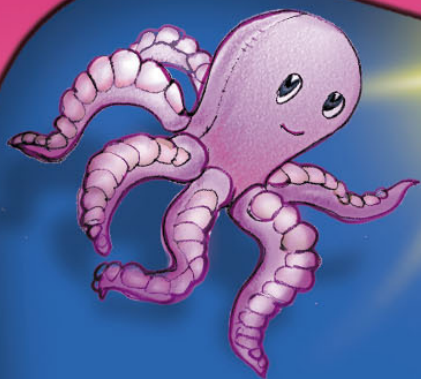

СМЕШНЫЕ ДЕТЕКТИВЫ

Елена Логунова

Семь футов
ПОД
КИЛЬКОЙ

Смешные детективы Д. Калининой и Н. Александровой

Елена Логунова

Семь футов под килькой

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Логунова Е. И.

Семь футов под килькой / Е. И. Логунова — «Эксмо»,
2021 — (Смешные детективы Д. Калининой и Н. Александровой)

ISBN 978-5-04-159455-8

Люся Суворова страдает от ревности — ее возлюбленный укатил в командировку в компании симпатичной переводчицы! В этой ситуации трудно понять, кстати или некстати окажется феерическая находка на дачной свалке — обнаженный мужчина, надежно упакованный... в старый рояль! И на работе сплошные проблемы: в женском клубе «Дорис», где Люся трудится пиарщицей, происходит ЧП — после очередного заседания одна из участниц, Ольга Афанасьева, исчезает, а позже ее находят утонувшей в пруду. Полиция считает гибель Ольги самоубийством, но Люся в этом сомневается. Она решает сама разобраться в этом деле, чтобы спасти репутацию родного клуба...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-159455-8

© Логунова Е. И., 2021
© Эксмо, 2021

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

32

Елена Ивановна Логунова

Семь футов под килькой

© Логунова Е.И., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

– Питт!

Нет ответа.

– Брэд Питт!

Нет ответа. Не считать же за него энергичный скрежет пилочки для ногтей, доносящийся из-за забора.

– Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт!!!

За забором тяжело вздохнули. Деловитая пилочка смолкла, мучительно скрипнул перегруженный шезлонг, и послышался манерный голосок соседки Галочки:

– Я ва-аще не понимаю, откуда у этих голодранцев собака с та-аким королевским именем?

– Ва-аще дура, – хихикнул мой братец Эмма, он же – для своих – Эммануил, хотя по паспорту просто Виктор. – Назови мне хоть одного короля по имени Джульбарс!

Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт – это наш четвероногий друг, рыжий собачен неизвестного происхождения. Первое и второе имя, а также фамилия у него от голливудского актера, на которого симпатяга пес удивительно похож, а три промежуточных клички – от разных хозяев.

Жуком зверюгу называет мой любимый Караваев, причем в определенном смысле и с неизменной интонацией: «Где этот жук?!» Шариком собаку дразнит братец, прозрачно намекая, что наш питомец весьма упитан, ибо слишком много ест – у Эммы это вызывает озабоченность и неудовольствие, потому как он и сам не страдает отсутствием аппетита, а провианта слишком много не бывает. Джульбарсом же пса зовет его настоящий хозяин – дед Антон, живущий на краю поселка, откуда точно в соответствии с расписанием завтраков-обедов-ужинов и прибегает к нам Уильям Брэдли Жук Шарик Джульбарс Питт.

А в честь красавца актера пса назвала я сама. Мне очень нравится Брэд Питт. Тот, который настоящий, разумеется. Нашего у меня руки так и тянутся отходить по мохнатой попе хворостиной. Не собака, а наказание какое-то!

Если бы у некоронованного собачьего короля Уильяма Брэдли Жука Шарика Джульбарса Питта имелся официальный девиз, он звучал бы так: «Ни дня без пакости!» Сегодня, например, их четвероногое величество изволили стырить оставленный на крыльце молоток.

– Вот скажи мне, зачем собаке молоток? – вслух задумался Эмма.

– Я кто тебе, Алиса из Гугла? – рассердилась я. – Ты не частил бы с запросами. Скажи мне то, скаже мне это! Могу сказать, зачем этот молоток мне!

– Но-но! Пожалуй, лучше не говори, а то мне уже страшно! – Братец втянул голову в плечи и отодвинулся от меня подальше.

Имеет основания, если честно. Ужасно звучит, но я била его по голове. Не молотком, конечно, – не случилось у меня в тот момент под рукой молотка, – а просто стеклянной банкой в авоське. Но эффект был воистину сокрушительный!

– Я обещала Петрику испечь его любимый торт. А для «Баядерки», ты сам знаешь, требуется много орехов. И чтобы наколоть их, мне нужен молоток! – объясняя, я опять разозлилась.

– Люся, ты что? – Юный самоубийца покрутил пальцем у виска.

– Р-р-р! – сказала я ему почти задушевно.

– Р-гау? – услужливо подсказал продолжение Брэд Питт, явившийся нам из малинника.

Я посмотрела на простодушную собачью морду и вздохнула.

Нечуткий Эмма не унялся:

– Смотри на вещи проще! Чтобы наколоть орехов, нужны орехи! А вместо молотка прекрасно можно использовать... ай! Да, например, этот самый обломок кирпича! Или вот этот. Или тот... Не бросай их все в меня, мы тебе еще пригодимся!

– Кто – мы? – уточнила я, отряхивая руки от рыжей пыли.

– Я и кирпич, разумеется! Мы тебе сейчас целую кучу орехов наколем.

Вот за что я люблю своего сводного брата – он добродушен, незлобив и всегда готов мне услужить.

Братец сбегал на грядки, подобрал просвистевший мимо него обломок и вернулся на крылечко с ним и с доброй улыбкой.

– Ну, показывай фронт работ.

Я молча вынесла полведра орехов и снова скрылась в домике. Мне нужно было хоть немного побыть в полной изоляции. Превентивно. Чтобы не прибить кого-нибудь молотком или кирпичом, в итоге загремев в полную изоляцию лет на двадцать.

Вообще-то вывел меня из себя вовсе не Питт, а Караваев, которого сейчас даже нельзя было за это как-нибудь покарать. Мишаня улетел в Стамбул, а туда мне кирпич при всем желании не добросить.

Ну, ничего. Как говорится, он улетел, но обещал вернуться...

– Отложи один кирпичик на потом! – покричала я Эмме.

Бодрый стук на крыльце прекратился. Скрипнули половицы, в дверной проем на разном уровне сунулись две озабоченные физиономии – человеческая и собачья.

– Люся, я тебя боюсь, – сказал братец, и Питт согласно подгавкнул. – Скажи, в чем дело? Я же вижу, что тебя заботят вовсе не хлопоты с подготовкой к юбилею Петрика, явно есть что-то еще. Что-то личное?

– Наличное! – рявкнула я, не собираясь делиться с младшим братом своими взрослыми проблемами.

Не признаваться же ему, что я отчаянно ревную Караваева к новой сотруднице, с которой он и отправился на переговоры в Стамбул. Переводчица ему там, видите ли, понадобится! Мог бы взять с собой Тамару Павловну, она прекрасный переводчик, очень опытный, у нее трудовой стаж почти сорок лет.

– Если ты это из-за Михаландреича... – братец проявил проницательность и неосмотрительность одновременно.

– Эмма, не заставляй меня швыряться посудой, у нас ее и так не хватает!

– Понял, ухожу к кирпичам и орехам...

Брат ретировался, Питт еще немного покрутился у моих ног, понял, что сладкого кусочка не допросится, а горькие слезы показались ему невкусными, поэтому он тоже удалился.

Я осталась одна. Как хотела – в тишине и покое. Ненадолго. Заливистая телефонная трель заглушила бодрый кирпично-ореховый перестук.

– Что? – рявкнула я в трубку, даже не посмотрев, кто звонит.

– Все! – объявила Дора. – Мне надоело дожидаться, пока у тебя проснется совесть, она, я вижу, в коме. Суворова, ты вообще помнишь, что у нас завтра?

– Пятница.

– И-и-и?

– Конец рабочей недели.

– Ну и-и-и?

– И день зарплаты?

– А вот фигушки тебе, Суворова! Зарплату хочешь? А где новый текст на сайт? Анонс в соцсетях? Моя приветственная речь членам клуба? – Начальница перечисляла то, что я сегодня не сделала, и все больше ярилась. – Где это все? И ты сама, кстати, где?

– В моральном упадке и бездне отчаяния, – пробурчала я.

– Да? А что так? – Дора сменила тон.

У нас с ней вообще-то дружеские отношения.

С Дорой Дорониной я училась на журфаке. Тогда мы особо не приятельствовали, потому что нигде, кроме как в аудиториях, не пересекались. Я жила в общежитии, а после занятий подрабатывала где придется, Дора же вела роскошную жизнь в трехкомнатной квартире родителей, которые почти безвылазно работали за границей. У Дорониной было вдоволь денег, свободного времени и друзей, у меня – ровно столько же забот и проблем. Друг другу мы были совершенно неинтересны.

Все изменилось год назад, когда медиахолдинг, где я работала, развалился в пыль. Владелец бизнеса, скорбно всхлипывая, объявил, что настали совсем плохие времена для бумажной прессы, после чего, продав все активы, уехал горевать на ПМЖ в Испанию. Сотрудников, разумеется, уволили, причем с долгами по зарплате. Все тут же кинулись искать новые места, конкуренция за вакансии в городских СМИ стала запредельной, и я нашла работу не совсем по профилю, но где-то рядом с ним.

Частной лавочке с претенциозным названием «Клуб ДОРИС: ДОставка Радости И Счастья» требовался эсэмэщик, копирайтер и пиарщик в одном лице. Владельцем бизнеса оказалась та самая Дора Дорониная. На собеседовании мы закономерно встретились, узнали друг друга и решили, что это судьба.

Вернее, это Дора так решила. Меня-то, если честно, подкупила обещанная внушительная зарплата. Я, правда, не думала, что за нее придется пахать днем и ночью, изо всех сил стараясь не скривить борозду и не выпасть из правового поля. Бизнес-леди Дорониная виртуозно балансирует на грани закона, и я вынуждена заниматься аналогичной акробатикой вместе с ней.

«Ох, Федор Михалыч, – говорю я иногда начальнице, потому что по паспорту она Феодора Михайловна, а это забавно: имя совсем как у Достоевского, – будешь ты однажды в местах не столь отдаленных писать свои собственные мемуары «Преступление и наказание!» – «Молчать, Генералюссимус! – огрызается Дорониная, потому что меня зовут Люся Суворова и я мастер победоносных кампаний. – Если что, писать там будешь ты, а я – надиктовывать!»

Конечно, ничего по-настоящему криминального мы не делаем, но временами я чувствую себя без пяти минут аферисткой и мошенницей.

Пять минут, пять минут – это много или мало?

Логика утверждает, что рано или поздно мы с Дорой допрыгаемся. Здравый смысл подсказывает, что нет резона думать о морали и этике прямо сейчас, когда мне очень нужны деньги. А коматозная совесть и вовсе сладко похрапывает.

И я продолжаю работать у Дорониной. Мы с ней даже подружились и временами ведем душевные разговоры.

– Что, неужели Караваев тебя бросил? – предположила Дора, заинтересованно сопя в телефонную трубку.

– Почему сразу бросил? Просто улетел подписывать договор с партнерами в Турции.

– А почему тебя с собой не взял?

– На следующей неделе я должна организовать юбилей Петрика! А завтра – заседание твоего клуба!

– Нашего клуба, – поправила Дора строго, опять меняя амплуа и превращаясь из доброй подружки в строгую начальницу. – Короче, Суворова, чтобы все свои недоделки сегодня закончила и завтра как штык была на работе без опоздания! И не с зареванной мордой, а в полном ажуре! Я Петрику позвоню, чтобы он проследил. – И она отключилась.

Я сделала вдох-выдох, покосилась в старое бабулино трюмо – там и впрямь обнаружилась какая-то зареванная морда, а не то, что хотелось бы.

Так, все! Надо взять себя в руки.

Я еще подышала, стараясь успокоиться, потом протерла лицо тоником и мелкими щипками выправила загнутые вниз уголки губ, вылепив себе подобие улыбки. Она получилась странноватой и малость пугающей, но все же была определенно лучше, чем страдальческий оскал.

Решив, что в таком виде и настроении меня уже можно выпускать к добрым людям и собакам, я вышла на крыльцо и поинтересовалась:

– И что у нас с орехами?

– Лучше бы ты спросила, что у нас с пальцами, – пожаловался Эмма, баюкая правой рукой левую.

«Вот! – укоризненно сказала мне совесть, неожиданно пробудившись. – Пока ты там расправляешь свои воображаемые душевные раны, ребенок тут получает реальные физические!»

– Покажи. – Я потянулась к «ребенку» (двадцать один год, рост сто восемьдесят пять смэ) и осмотрела его микротравмы. – Пара ссадин, один ушиб – ерунда, до свадьбы заживет.

– До чьей свадьбы, твоей с Михаландреичем? – встрепенулся Эмма.

«Устами младенца!» – нервно хохотнул мой внутренний голос.

«Ребенок» ткнул не в бровь, а в глаз. Точнее, в мою кровоточащую душевную рану.

Караваев уже дважды звал меня замуж, но я не спешила соглашаться – хотела в полной мере насладиться необременительными добрачными отношениями. И что? Домариновала мужика до того, что он улетел к теплому морю с другой.

Но Эмме я этого говорить не стала, только нахмурилась:

– Тебе, брат, не о свадьбах надо думать, а о завтрашнем представлении.

Братец учится в Академии культуры и подрабатывает приглашенным актером на разных мероприятиях. Разброс ролей у него широчайший – от Винни-Пуха в костюме ростовой куклы до Гамлета в рубашке с кружевами.

– На завтра у меня все готово, – заверил меня юный талант и потянулся за веником, чтобы смести с крыльца ореховую скорлупу. – Нет только денег на такси, но ты же мне дашь?

Я оставила ему деньги и ценные руководящие указания, взяла орехи и отправилась к себе. Вернее, в нашу с Петриком съемную квартиру.

На даче, которую с подачи моей покойной прабабушки Зины все называют милым словом «именьице», я не живу, а только навещаю туда иногда. В последнее время – даже реже, чем Эмма, которому я великодушно отдала свой ключ. У моего сводного брата нет собственной жилплощади, а от матушки и отчима очень хочется держаться подальше.

Вечерело, и по-хорошему мне надо было вызвать такси или позвонить шоферу Караваева Косте, которого шеф уже приучил к тому, что он как бы наш общий водитель. Но в свете того, что я подозревала Мишаню в подлой измене, беспокоить Костю решительно не хотелось: от подлого изменщика мне ничего не надо!

А такси в именице я вызывать не люблю. Может, это и не заметно, но у меня тонкая душевная организация, и она страдает всякий раз, когда таксисты самыми нехорошими словами ругают нашу проселочную дорогу.

Да мне идти-то по ней всего с полкилометра, потом будет мост через реку, а за ним уже – город со всей его инфраструктурой. Сяду там на трамвайчик, еще и денежки сэкономлю...

Размышляя таким образом и поглядывая по сторонам, я бодро топала по глубокой колее, продавленной в глинистой почве автомобилями, пока мой взгляд не зацепился за нечто неожиданное.

Опля! Алое закатное солнышко слепящим пламенем отразилось в полированной поверхности. Ну-ка, ну-ка, что тут у нас такое? Я выбралась из колеи и, путаясь ногами в цепких вьюнках, двинулась на манящий блеск.

Неподалеку от нашего дачного товарищества есть небольшой пустырь, превращенный несознательными гражданами в стихийную свалку. Выбрасывают туда преимущественно строительный мусор, поломанную мебель, старый домашний скарб и прочую рухлядь. Иногда на эту свалку истории незаслуженно отправляются вполне годные вещи. К примеру, именно отсюда в нашу с Петриком квартирку перекочевала изящная деревянная консоль – трехногий гримировальный столик, мечта красавицы-кокетки.

На сей раз кто-то, не мелочась, сплавил на помойку целый рояль!

Да, облезлый, поцарапанный, колченогий, в пятнах от стаканов, но – рояль! Самый настоящий, не бутафорский!

Изумляясь, как затейливо у кого-то широта души сочетается со скудоумием, я подобралась поближе к инструменту и подняла крышку над клавиатурой.

Время и идиоты не пощадили благородный инструмент, и его улыбка, когда-то наверняка белозубая, потускнела и сделалась щербатой. Я сокрушенно покачала головой, но все же пробежалась пальцами по клавишам. Прабабушка воспитывала меня как благородную барышню – заставляла учить французский и ходить в музыкальную школу...

Увы, сыграть что-нибудь на этом рояле не представлялось возможным. Даже мелодию «Чижика-Пыжика» исполнить не получалось, потому что клавиши были безголосые. Они послушно проминались под пальцами, а звук не шел, только слабый глухой стук... Или шорох?

Я вспомнила, как в детстве экспериментировала, подсовывая между струнами и молоточками развернутые газеты: это превращало обыкновенное пианино в старинный клавесин. Какая, интересно, начинка в этом инструменте?

Но заглянуть в рояльное нутро и посмотреть, что там, у меня не вышло. Вандалы-идиоты зачем-то прибили крышку инструмента гвоздями!

– Ах так? – Я почувствовала себя задетой. – Это вызов? О'кей, Люся Суворова его принимает!

Я поискала тут же, на свалке, но ничего подходящего для того, чтобы вскрыть заколоченный рояль, не нашла. Ну и ничего страшного, я недалеко ушла от именица, а там у меня, как в Греции, все есть!

– Мне срочно нужен ломик! – Я ворвалась на свой участок, как фурия.

– То молоток, то ломик... Ты бы определилась, – меланхолично отозвался братец, покачиваясь в гамаке.

Я молча пролетела мимо него в сарай и загремела там инструментами, подбирая наиболее подходящий. Вот эта железная палка с раздвоенной загнутой лапкой, думаю, как раз подойдет!

– Это же не ломик, а гвоздодер, – просветил меня братец, когда я пробежала мимо него в обратном направлении. – Эй, а зачем тебе...

Но я уже снова пылила по проселку.

Я мигом добежала до свалки, чуть ли не с разбегу вонзила под крышку бесхозного музыкального инструмента свой немзыкальный, поднажала, закряхтела. Рояль затрещал.

За этими звуками я даже не сразу услышала сдвоенное заинтересованное пыхтение, но потом по моей голой ноге щеткой прошелся шерстистый бок, а над ухом послышался знакомый голос:

– Это что? Настоящий рояль в кустах?!

– Тяни крышку вверх, – скомандовала я Эмме.

– А что там? – Братец послушно потянул, а я еще поднажала.

– Вот откроем – и узнаем!

Кра-ак! Крышка чуть приподнялась, и здоровенные гвозди стальными зубами зависли над образовавшейся щелью.

– Там точно что-то есть, – почему-то шепотом убежденно сказал Эмма, заглянув в темные недра рояля.

– Конечно. Там много чего есть – струны, молоточки... Тяни еще, давай откроем полностью.

Палка, призванная удерживать рояльную крышку в поднятом состоянии, отсутствовала, и я пристроила вместо нее свой гвоздодер.

– Молоточки?! – первым посмотрев в значительно расширившуюся щель, возмутился братец. – Да, как же! Блин, зачем мы сюда полезли?!

В рояле в позе зародыша лежал голый человек.

– Он настоящий? – Братец снова перешел на шепот.

– Кто?

– Труп!

– Все тут настоящее: и рояль, и кусты, и труп, успокойся, – пробормотала я автоматически, почти не соображая, что именно говорю. – Хотя, возможно, труп все-таки не настоящий...

– Игрушечный?!

– Витя, ты меня пугаешь, что за детство у тебя было, какой еще игрушечный труп... Я к тому, что он, может, живой еще! – Я потянулась и осторожно пощупала голую лодыжку.

– Пульс надо щупать на запястье или на шее, – тут же раскритиковал мои действия Эмма.

– Я туда не дотянусь... Слушай, а он холодный!

– Значит, настоящий. – Эмма вздохнул.

Я машинально пощекотала голую розовую пятку, и нога слабо дернулась!

– Не настоящий! – обрадовалась я. – Подержи крышку... – Я убрала свою импровизированную распорку в виде гвоздодера.

– Не добивай его, Люся, не надо! – слезно взмолился Эмма.

– Ты совсем уже? – очень трудно нетравматично покрутить гвоздодером у виска, но у меня получилось. Я талантливая! – Говорю, крышку держи! Будем доставать его оттуда...

С большим трудом и немалым количеством ругательств мы кое-как добыли из недр рояля ненастоящий труп. Он нам никак не помогал, но хотя бы не сопротивлялся. Только слабо постанывал, пока мы его тянули, как в сказке: Люся за репку, Эмма за Люсю, собака за Эмму... Жаль, кошки и мышки не было, мы бы быстрее справились.

Брякнувшись на усыпанную мусором траву, выдернутая репка болезненно кхекнула, но сразу оживать не стала.

– Это что вообще такое? – спросил Эмма с неоправданной, на мой взгляд, претензией.

– Понятия не имею, – сердито ответила я.

А мой внутренний голос торжественно возвестил:

«Это дежавю!»

Да, уже было со мной такое: стояла я в полнейшем безрадостном недоумении над распростертым на травке мужиком, то ли живым, то ли вовсе нет, и – главное! – совершенно незнакомым!¹

– Говорят же, что всякая история повторяется дважды: сначала как трагедия, потом как фарс. Или наоборот, не помню точно, – проявил эрудицию братец, угадав, о чем я думаю.

Ну еще бы: он и при той, первой, сцене с телом на траве присутствовал! Как раз в виде тела.

– Так у нас сейчас трагедия или фарс? – задумалась я вслух.

– А это от него зависит. – Эмма осторожно подпихнул мужика носком ботинка. – С виду он вроде целый, но вот очнется или нет...

– Да куда он денется! – Я присела и энергично похлопала голыша по щекам.

¹ Читайте об этом в романе Елены Логуновой «Брачный вопрос ребром».

Он застонал. Слабо, но отчетливо недовольно.

– Так, Эмма! Дуй в именнице и притащи холодной воды! И что-нибудь из одежды, а то у меня руки не поднимаются реанимировать голого мужика, как-то это очень неприлично...

– Ну да, ну да, ты же у нас без пяти минут замужем. – Эмма умчался, напоследок умудрившись снова больно царапнуть мою свежую душевную рану.

Эх, где сейчас мой любимый Мишаня? И с кем? Может, совсем как я – наедине с чужим голым телом? В лиловых отсветах заката, в душистой весенней ночи...

Мелькнула несвоевременная мысль о том, что надо бы Мишане позвонить, но я прогнала ее. Караваев непременно спросит меня, где я, с кем и чем занимаюсь, а что я ему отвечу? Нагло врать любимому не хочется, а честно отвечать: «Я на свалке оживляю незнакомого голого мужика» – определенно не стоит. У Караваева хорошее чувство юмора, но он ревнив. То есть шутку оценит, но конкурента прибьет. А может, и меня вместе с ним. Так и придушит, хохоча...

С дружным топотом примчались Эмма и сопровождавший его в забеге Брэд Питт.

– Вот! И вот. – Братец сунул мне в руки полуторалитровую пластиковую бутылку и бросил прямо на голыша ворох тряпок.

Очень удачно – самое неприличное прикрыл.

Я благодарно кивнула, открутила крышечку с бутылки, набрала полный рот холодной воды и с громким «П-ф-ф-ф!» брызнула ею в лицо незнакомцу – энергично, как поливалка на парковой клумбе.

Питт, на которого тоже попало – а нечего вечно лезть не в свое собачье дело! – негодуяюще взвизгнул и отскочил в сторону.

– Твою мать, – не открывая глаз, промямлил незнакомец.

– Он заговорил! Вот что живая вода делает! Давай еще раз! – обрадовался Эмма.

Я снова набрала в рот воды так, что щеки раздулись, как у хомяка, и организовала голышу повторный душ.

– Да какого хрена... – Мокрая физиономия скривилась, ресницы с красиво повисшими на них каплями задрожали.

– Просыпаемся, просыпаемся! – Я похлопала голыша по мокрым щекам. – Доброе утро, страна!

– Вечер вообще-то, – поправил меня братец.

– Какая? – разлепив один глаз, спросил голыш.

– Какая страна? Россия! – с готовностью ответил ему услужливый Эмма.

– Какая зараза меня намочила? – Неблагодарный незнакомец открыл второй глаз и посмотрел прямо на ту заразу. – Ты кто?

– Во-первых, не ты, а вы, мы с вами еще незнакомы, – обиделась я. – Во-вторых, у меня к вам тот же самый вопрос: вы кто?

– Смотря для кого...

Голыш заворочался, сел, смахнул с себя тряпки, увидел, что под ними, ойкнул и снова прикрылся. Я с удовольствием отметила, что его щеки порозовели.

Надеюсь, не только в результате общего улучшения самочувствия, но и от стыда.

– Для тех, кто вас из гроба вытащил! – с пафосом произнес Эмма.

– Откуда?! А... – Спасенный опять побледнел и сомлел.

Я укоризненно посмотрела на брата.

– А что? Не так, что ли? Он в закованном рояле, как в гробу, лежал!

– Суровая правда, высказанная с шокирующей прямоотой, – пробормотала я, осторожно, чтобы не угодить на мокрое, присаживаясь рядом с обморочным голышом. – Ладно, давай подумаем, что теперь делать...

– В полицию звонить. Ситуация такая подозрительная...

Гольши несогласно застонал.

– Сдается мне, он не хочет в полицию, – сказала я.

– А кто бы захотел? На ночь глядя, без документов, голый...

– Кстати, да, давай-ка его оденем!

Ворочая гольша, как большого пупса, мы облачили его в футболку и спортивные штаны с крутого плеча и крепких бедер Караваева.

– Ну вот, так он уже похож на человека, – полюбовался делом наших рук Эмма.

– На босяка, – уточнила я.

Принести какую-нибудь обувь братец, конечно, не додумался.

– На полубосяка, – заспорил со мной Эмма. – У него только одна нога голая, на второй есть носок!

– Хороший носок, – оценила я. – Модный. Жаль, что один.

– Я посмотрю в рояле, может, там и второй... – Братец чуть ли не по пояс залез в инструмент и через минуту глухо сообщил оттуда: – Эх, нет тут ничего!

– А ты думал, он разделся прямо в рояле?

– Почему нет? Может, ему там жарко стало? Или он должен был выскочить из него, как стриптизерша из торта...

Я подумала, что надо бы разобраться, на каких мероприятиях выступает мой юный брат-артист, но сказала другое:

– Как бы он выскочил из заколоченного рояля? Вот, кстати... – тут мне в голову пришла важная мысль. – Давай-ка сделаем все, как было. Найди какой-нибудь кирпич, забьем гвозди обратно.

Пока мы, грохоча по гвоздям булыжниками, приводили рояль в прежний вид, незнакомец отчетливо порывался восстать, но его слабые попытки перейти из горизонтального положения в вертикальное не увенчались успехом.

– Может, ему нужно в больницу? – забив последний гвоздь в крышку гро... пardon, рояля, задумался Эмма.

– Ни в какую больницу его без документов не примут. По-моему, ему просто нужно отлежаться...

– Но не в именице! – живо возразил братец.

Даже протестуяще выставил руки.

– Почему не в именице? У тебя и раскладушка на такой случай есть, – напомнила я.

– Потому что... я передумал ночевать в именице, у меня завтра представление, мне будет удобнее ехать на работу из города!

Я вздохнула:

– Тогда звоню Косте, других вариантов нет.

– А такси?

Я посмотрела на обморочного мужика и оглянулась на заколоченный инструмент:

– Нельзя такси. Если те, кто засунул парня в гро... яль, будут искать его, такси наведет их на след. Думаешь, много такси приезжает по вызову в эту глушь?

Эмма только поежился.

А я достала из сумки мобильный и позвонила Косте.

Блестящий чистенький «БМВ» осторожно подполз к нам на брюхе по глинистой колее минут через двадцать.

Хороший у Караваева персонал, вышколенный! Водитель Костя прибыл по моему вызову без вопросов, правда, вид имел хмурый и недовольный, но я не обратила на это внимания – он всегда такой. Ну нет у человека чувства юмора и авантюрной жилки, обидела его природа – мать наша...

– Я вперед, вы назад! – Эмма, завидев красивую машинку, подскочил, торопясь занять лучшее место в салоне.

– Все назад, – возразила я и пояснила шепотом, чтобы не услышал водитель: – А то наш ненастоящий труп на бок завалится, его нужно придерживать с двух сторон.

– А если завалится, то что? Он вон в гро... яле валялся – и ничего, чем ему в «бэхе» хуже? – не понял братец.

– У Караваева будет много вопросов.

– Тогда ладно, – дискутировать с Караваевым Эмма опасается – Мишаня беспардонно давит авторитетом.

Мы подняли с травки ненастоящий труп, уже похожий на полуживой организм – во всяком случае, ходячий, – и затолкали его в машину. Залезли сами подперли тело с двух сторон своими плечами:

– Трогай, Костя!

– Куда?

– Ко мне, в «Баварию».

«Бавария» – это элитный жилой квартал, построенный по образцу и подобию европейского городка. Очень уютный, чистенький, аккуратненький и тихий.

Караваев смеется, что лично я с этим местом сильно диссонирую по стилю – мне, мол, больше подошло бы жить в цыганском таборе, – но я «Баварию» нежно люблю: это наш с Петриком приют спокойствия, трудов и вдохновения.

«Бэха» услужливо доставила нас к самому крыльцу, мы выгрузились так же дружно, как загрузились, и повлекли самоходный полутруп в подъезд. На лифте поднялись к двери квартиры, придавили кнопку звонка – искать свои ключи мне было несподручно, потому как сумка оказалась зажата между моим боком и бедром ненастоящего трупа.

– Иду, иду! – пропел внутри Петрик и распахнул дверь. – Оу? – Красивые брови моего лучшего друга выгнулись арками «Макдоналдса».

– Привет! – сказала я.

– Здоров! – сказал Эмма.

А ненастоящий труп ничего не сказал и даже глаза не открыл, чтобы посмотреть на Петрика. Может, оно и к лучшему: с непривычки это зрелище могло убить наповал.

На Петрике было коротенькое шелковое кимоно, сливочно-белый цвет которого красиво оттенял золотистый загар из солярия, на ногах – шлепанцы-гэта, открывающие свежий педикюр. На голове – писк парикмахерской моды: повязка-солоха из шелкового платка. Выпущенные поверх нее локоны переливались оттенками золота и бронзы.

– Вижу, ты был в салоне, – завистливо отметила я.

– Вижу, ты тоже провела время интересно, – ответил Петрик и посторонился, пропуская наше слитное трио в прихожую. – Откуда дровишки?

– Со свалки, – сказала я.

– Из рояля, – сказал Эмма.

А гость наш опять ничего не сказал.

– По-моему, вы друг другу противоречите, нет? Где свалка – и где рояли? – Петрик строго посмотрел на меня, на Эмму, задержал взгляд на госте и чутко потянул носом: – Хм, а я ошибся, он не пьян. Кто же это тут у нас такой хорошенький? И почему он в состоянии нестояния?

Мы с Эммой синхронно пожали плечами и чуть не уронили нашего хорошенького.

– Давайте-ка его куда-нибудь положим, – озаботился добрый хозяин Петрик.

Мы транспортировали хорошенького в гостиную и уложили его там на диван, а сами пошли в кухню, потому что Петрик авторитетно заявил:

– Я думаю, нам всем не помешает чашечка крепкого кофе.

– Эмма, сбегай за пищей, – попросила я, и братец охотно унесся в итальянский ресторанчик, который очень удачно расположен на первом этаже нашего дома.

– Ты удалила ребенка, чтобы он не услышал шокирующего признания? – пронизательно предположил Петрик.

Он повязал поверх короткого белого кимоно длинный вишневый фартук, переместился к плите и внимательно наблюдал попеременно за бронзовой туркой и за мной.

– Караваев улетел в Стамбул с Эллой! – не стала записывать я.

Петрик мне как лучшая подруга и старшая сестра.

– С той вульгарной особой с ногами владимирского тяжеловоза и грудью нахохлившегося голубя?!

Вот! Сказал всего несколько слов – а мне сразу же стало легче!

– Ты лучше ее в сто миллионов раз, и Караваев это знает, у него не такой уж плохой вкус, так что не спеши в нем сомневаться.

– Петрик, я тебя обожаю!

– А у тебя *прекрасный* вкус. – Дружище кокетливо поправил локон и вовремя снял с огня турку с кофе. – Тебе с молоком или без? Про сахар даже не спрашиваю, на нервах полезно сладенькое, так что к черту сегодня диеты. И, кстати, о сладеньком: что за прелестное чучелко ты притащила к нам в дом?

Петрик налил нам кофе, устроился за столом напротив меня и поморгал густыми длинными ресницами, торопя с ответом на его вопрос.

– Почему чучелко? – Я оглянулась на зеркало в простенке: в него мне был частично виден занятый гостем диван в гостиной.

– Ну, Люся! – Петрик вздохнул и закатил глаза. – На футболке логотип во всю грудь – это вульгурно! И сколько раз говорить, что модный лук не составить без тонкого чувства цвета! К морковному топу – низ тона пыльной лаванды, ты это серьезно? Нет, я понимаю, пастельный фиалковый – он бы еще как-то сочетался, но тоже не в виде коротких широких штанов, что это вообще такое, я даже не понял – бермуды?

– Это старые застиранные спортивные штаны Караваева. – Я невольно хихикнула.

– А? То есть наше чучелко стройнее и выше ростом, чем Мишель? – Петрик тоже глянул в гостиную через зеркало. – Стоп, а почему оно в одежде Караваева? – встревожился он. – Люся, ты пустилась во все тяжкие?!

– Надеюсь, Костя так не подумает. – Я тоже заволновалась. – Блин, он ведь мог узнать караваевские тряпки... Петя, я нашла это чучелко на дачной свалке. Оно лежало в выброшенном рояле и было голым.

– Совсем голым?!

– Не совсем, – я вспомнила. – В одном носке.

– Где был носок?

– Петя! На ноге, где же еще?!

– Ну, мало ли... Знаешь, как оригинально экипируются стриптизеры...

Тут хлопнула дверь – вернулся Эмма с пиццей, – и мы прервали едва начавшийся разговор о мужском стриптизе. Поели пиццы, выпили кофе, оставив на всякий случай немного того и другого нашему гостю. Потом Эмма поехала к себе, а мы с Петриком стали готовиться ко сну.

Чучелко уже крепко дрыхло, размеренно посапывая и не производя впечатления полутрупа. Щеки его порозовели, суровая складка между бровей разгладилась.

– Завтра будет как огурчик, – напроорочил Петрик и облизнулся – такой любитель свеженького. – Нет, как редисочка – розовенький и крепкий! Иди уже спать, моя бусинка, у тебя сегодня был трудный день.

Разбудила меня громко пискнувшая эсэмэска.

Плохо соображая, где я, кто, когда, почему и зачем, я уронила руку под кровать, нащупала там мобильник, поднесла его к подслеповатым спросонья очам и посмотрела на экран.

Оказывается, у Доры тоже были вопросы. «Где тексты? Когда уже прилетишь?!» – гневно интересовалась она.

На часах было начало шестого, за окнами едва начинало светать.

– Тексты ей, – проворчала я, но все же села, перетащила ноутбук с прикроватной тумбочки себе на колени и в диком темпе – пальцы чуть не задымились – застучала по клавиатуре.

Минут за двадцать я доделала все, что задолжала со вчерашнего дня, отправила Доре и тут же написала ей сообщение: «Все у тебя в почте». Срочно докладывать об этом было необязательно, но меня тихо радовала мысль о том, что Доронину, как и меня, потревожит эсэмэска. Она же наверняка пульнула мне свое грозное сообщение и завалилась безмятежно спать дальше, а тут ей – на, получай! Симметричный ответ.

Злорадно улыбаясь, я вылезла из кровати, накинула поверх ночнушки халат и побрела в ванную. День мне предстоял непростой, начать его следовало красивой и бодрой, каковой я себя вовсе не чувствовала, после вчерашнего-то...

Ой!

Я уже миновала диван в гостиной, когда вдруг вспомнила, что как раз вчера на нем был устроен на ночлег подозрительный незнакомец.

Ойкнув, я спешно запахнула халат, оглянулась и тихо выругалась.

Диван был пуст.

Более того – накрыт покрывалом, поверх которого помещалась пирамидка из свернутого одеяла, подушки и разноцветных матерчатых квадратов, в которых я не сразу признала аккуратнейшим образом сложенные изделия одежно-бельевой группы: белую простыню, оранжевую футболку и сиреневые штаны. Вишенкой на торте это сооружение венчал красный клубочек, сделанный из одинокого носка.

Я заглянула в кухню, посмотрела в санузле и в прихожей – везде было пусто.

«То есть либо наш вчерашний гость среди ночи ушел по-английски...» – затынул мой внутренний голос.

– Голый?! – усомнилась я.

«Либо он переместился с дивана в гостиной на кровать в спальне Петрика, – не сбившись, продолжил мой внутренний логик, – где одежда им обоим как раз не нужна».

Я смущенно кашлянула. С Петриком у нас был железный уговор не водить в дом своих мужиков. До сих пор он неукоснительно соблюдался...

«Но, строго говоря, это не сам Петрик, а ты привела ему в дом мужика», – напомнил мой внутренний голос.

– Это казуистика! – возмутилась я.

– Где казуистика, почему казуистика? – Дверь, которую я сверлила недобрым взглядом, открылась, явив мне Петрика в милом утреннем неглиже – лиловых шортиках и розовом топе на бретелях.

Оправив перекрутившуюся маечку, дружище шагнул за порог и сразу же посмотрел на диван:

– Всем доброе у... У-у-у... – Его радостный голос сделался разочарованным. – Чучелко смылось? Вот так всегда. – Петрик тяжело опустился на диван и резким ударом локтя развалил аккуратную пирамидку. – Подберешь мужика на помойке, накормишь, отмоешь, приоденешь – тут-то он и тю-тю!

– Приоденешь? – отметила я. – То есть он от нас не голым ушел?

– Обижаешь! – надул губы дружище. – Конечно, не голым! Я ему дал свой трикотажный костюмчик цвета беж, белье, носочки в тон, тапочки для бассейна...

– Когда успел-то?

– Когда ты спать легла. – Петрик потупился, и я поняла, что не только забота обо мне, любимой, сподвигла его уложить меня спать пораньше. – Я вспомнил правила гостеприимства, завещанные тебе любимой бабушкой Зиной: накормить, напоить, в баньке попарить и спать уложить...

– Это правила гостеприимства Бабушки-яги!

– Тем более – заветы старины, освященные временем! – Петрик рассердился, вскочил, побежал в кухню, достал из холодильника нарзан и стал пить его – невиданное дело – прямо из бутылки. – Я подогрел ему пиццу, сварил кофе, выдал чистую одежду и полотенце, после душа предложил лосьон для тела и фен для волос, а он! Он...

– Ты чем-то напугал его? – осторожно спросила я, избегая беспощадной формулировки «Ты к нему приставал?».

– Ни словом, ни делом! – Петрик замотал головой, разлохматившись в одуванчик. – Он принял душ, от фена с лосьоном вежливо отказался, лег и уснул. А я пошел к себе...

– Но вы поговорили? Ты узнал, кто он такой и как оказался в заключенном рояле?

– Конечно нет! В заветах гостеприимства наших бабушек что сказано? – Дружище вскинул руку и принялся демонстративно загибать пальцы, сверкая свежим лаком на ногтях. – Накормить, напоить, в баньке попарить и спать уложить! Пункт «расспросить и выпытать все шокирующие подробности» в плане первоочередных действий отсутствует!

– Понятно. – Я повернулась и пошла в ванную.

В нашей маленькой коммуне право первоочередного приема водных процедур – у меня. Я привыкла жить на бегу и без фанатизма выполняю ежеутренние ритуалы по наведению красоты, а вот Петрик...

– Я тебя ждать не буду! – покричала я под дверью ванной, когда уже вышла оттуда и мы совершили рокировку. Дружище заперся в ватерклозете, и там сразу же начался концерт со спецэффектами: загудела ударившая в ванну струя воды, запел сам Петрик, в щель под дверью пополз ароматный пар. – Мне сегодня нельзя опаздывать, иначе Дора уволит!

– Не жди, я подъеду позже, – донеслось из-за двери.

На кухне уже дымился кофе – бесценный Петрик сварил, пока я плескалась. Я торопливо сгрызла печенье, запила его горячим кофе, быстренько собралась и побежала на трамвайчик, на ходу прикидывая, ехать ли мне в офис или напрямиком в Городской сад.

Сегодня у нас с Дорониной был особенный день – мы принимали в женский клуб «Дорис» новых участниц. Это торжественное мероприятие, которое проводится ежемесячно и всякий раз – в каком-нибудь необычном месте.

Клуб «Дорис» – это вам не старорежимный колхоз, для собраний которого вполне годится деревенский клуб с рассохшимися лавками и чахлой геранью на подслеповатых окошках.

Клуб «Дорис» – это добровольное объединение передовых гражданочек, шествующих в персональное светлое будущее по пути позитивизма. Да не босиком или в лапоточках, а в дорожной обуви – туфлях от Эрме, Маноло Бланик, Лабутена и прочих Дольчей с Габбанами. Произвести впечатление на таких дам непросто, и мы с Дорой очень стараемся.

В прошлом месяце наше торжественное заседание проводилось в пентхаусе единственного в городе небоскреба. Мероприятие прошло во всех смыслах на высоте, но после, подсчитав расходы, Дора настоятельно попросила меня впредь выбирать места без поистине заоблачной аренды. Поэтому для очередного заседания я предложила ей на выбор колокольню заброшенного монастыря или беседку-ротонду на холме в Городском саду. Дора выбрала беседку – в конце апреля из нее открывался роскошный вид на свежие газоны и цветущие деревья.

– Такая красотища – и практически даром! – сказала моя начальница, потирая свои загрязненные ручки.

У администрации Городского сада не было расценок на сдачу внаём парковых площадей, так что мы договорились на скромную оплату мимо кассы: пять тысяч в кармашек директрисе Горсада и по пятьсот рублей двум работягам, которые должны были перекрыть подъемы на нашу горку для посторонних.

Я поняла, что работягам мы даже переплатили, когда один из них попытался воспрепятствовать моему проходу к беседке. Второй в это время красил белой известью переносной заборчик из штакетника. Очевидно, директрисе тоже показалось, что пять тысяч ни за что – это многовато, так что она раскошелилась на изготовление специальных заграждений.

– Это свои! – покричала сверху Дора, увидев, что я вступила в дискуссию с работягами. – Вася, Федя, запомните Люсю и пропускайте ее!

– Век помнить будем, – пообещал Вася, с которым я уже почти успела поругаться, но все же отступил с моего пути.

Пыхтя и проклиная парадные каблуки, я взбежала на горку по винтообразной песчаной тропке и только наверху увидела, что могла бы красиво взойти по широкой прямой лестнице, которую уже накрыли красной ковровой дорожкой.

– Не дорожишь ты этой работой, я вижу! – с ходу упрекнула меня начальница.

Она была при полном параде: упакована в элегантный брючный костюм на порядок дороже моего собственного, обута в пресловутые лабутены, загримирована и щедро украшена бриллиантами. Два прозрачных камешка сверкали у нее в ушах, третий игриво прятался в ложбинке декольте, четвертый фонтанировал радужными искрами на пальце. В левой руке Дора держала кожаный блокнот ручной работы, пальцами правой искательно шевелила. Я вытянула у нее из-за уха золоченый карандаш, забрала себе блокнот и хладнокровно отбила претензию:

– Пусть эта работа дорожит мной!

После чего сразу же показала, какой я ценный сотрудник, бегло пройдясь по списку.

– Так, интервьюер готов, кейтеринг будет через полчаса, клининг заказан на двенадцать, цветочники уже здесь, я видела, они выгружаются на входе в парк. Музыканта и видеооператора еще ждем... Между прочим, грим у тебя сегодня отличный, а вот с брюликами, по-моему, перебор: гарнитуры уже не в моде, это тебе и Петрик подтвердит.

– Я пожилая дама, мне простительна некоторая консервативность. – Дора кокетливо поправила натуральный седой локон.

– А, то есть с бриллиантами – это ты нарочно?

– По-моему, очень изящный способ подчеркнуть мой почтенный возраст. – Доронина вздохнула, как бы печалась о своих годах – своем богатстве, и бриллиантовая горошина на упругих грудях задорно подпрыгнула.

Доре вообще-то всего двадцать семь, ее седые локоны – превосходный дорогой парик, а редкие морщинки старательно нарисованы визажистом, но – тсс! Клубным дамам об этом знать не следует.

По легенде госпожа Феодора Доронина разменяла уже восьмой десяток, но превосходно выглядит – максимум на пятьдесят! – благодаря собственной уникальной антивозрастной программе.

Цементную крепость этой версии придает тот факт, что семидесятитрехлетняя госпожа Феодора Доронина – вовсе не выдумка. Это родная бабушка Доры, которая официально является собственницей бизнеса, а на самом деле сидит себе в родной сибирской деревне, не мешая делам любимой внучки.

– Речь свою выучила? – спросила я строго.

– Когда бы я успела, ты ее только в шесть утра прислала! – Дора полезла в свою сумку «Биркен» и зашелестела бумажками. – Но тут вроде все как обычно, я смогу и своими словами близко к тексту...

Она надела очки в оправе от Диора и уткнулась в распечатку, шевеля губами и кивая. Я без помех огляделась и тоже удовлетворенно кивнула: декораторы постарались.

Круглый стол был накрыт белоснежной скатертью с аккуратно расправленными складками, стулья облачены в бледно-голубые полотняные чехлы, в проемах между колоннами парусили крылья полупрозрачных занавесей – все, как заказывали, в средиземноморском стиле.

Внизу загомонили. Я выглянула, увидела, что Вася с Федей преградили путь цветочникам, и велела их пропустить.

Цветочники вознеслись к нам с тележкой, из которой извлекли горшки с цветущей лавандой, готовую композицию из мелких белых роз и гирлянду плюща. Горшки расставили на полу и перилах балюстрады, плющом увили колонну, розочки водрузили на середину стола. Управились за четверть часа и укатили вместе с опустевшей тележкой, сдав пост сотрудникам службы кейтеринга.

Эти пришли с корзинами и подносами, мигом сервировали стол, оставили на пятачке у ротонды переносную стойку с бутылками и бокалами, а также идущего в комплекте с этим добром улыбчивого юношу в черных брючках и белой рубашечке – официанта и бармена, два в одном, – и тоже удалились.

Пришли музыкант и видеограф.

– Мы разве не скрипку заказывали? Гитарист – это как-то не по-итальянски, – Дора с сомнением глянула на длинноволосого парня со струнным инструментом.

– У него не гитара, а мандола. Она идеальна для исполнения итальянских песен, – объяснила я.

– А он и петь будет?

– «Санта-Лючию», например.

– Шикарно! – Начальница успокоилась и снова уткнулась в бумажки.

Я еще раз обсудила с музыкантом репертуар и последовательность его номеров, проинструктировала оператора-видеографа и посмотрела на часы в айфоне – было десять сорок, мы шли четко по графику.

В десять сорок пять явился Петрик. Красивый – глаз не оторвать!

– Дарлинг! – Дружище подошел приложиться к ручке Доры.

– От дарлинга слышу, – огрызнулась та, не отрывая взгляда от бумаг, но потом все-таки посмотрела на Петрика и смягчилась. – Хорош, чертяка! На гитариста только не зыркай, а то выдашь себя.

– Маловат у него инструмент, меня таким не пленить, – нашептал ей Петрик. И тут же по-хозяйски полез в Дорино декольте, поправляя бриллиантовый кулон. – Дарлинг, цепочка длинновата, давай ее чуток укоротим, чтобы все самое красивое у нас было на виду...

Они завозились, укорачивая цепочку, поправляя локоны парика, о котором все думали, будто это настоящие волосы Доры-Федоры, и заменяя белым шелковым платком черный брючный ремень, некрасиво разрывающий, по мнению Петрика, четкую однотонную вертикаль.

Наконец без пяти одиннадцать все было готово. Дора собственноручно позвенела серебряным колокольчиком, и по этому сигналу дрессированные Вася и Федя убрали ограждения у основания лестницы.

– Добро пожаловать, милые дамы! – звучно провозгласила Дора, встав на верхний край ковровой дорожки.

Снизу она должна была смотреться эффектно, даже величественно. Рослая, крупная, вся в белом, только подошвы туфель красные – в тон ковровой дорожке.

– Сдвинься в сторону, не замусоривай кадр! – напряженно улыбаясь, прошептал Петрик и не выдержал – самолично оттащил меня подальше от начальницы.

– Чем это я его замусориваю? С собой? – обиделась я.

– Своим костюмчиком в клеточку!

– Нормальный твидовый костюмчик, ты сам его одобрил!

– Да, но не в комплекте с Дориной роскошной «двойкой» из белоснежной альпаки! Этот твой твид – одно название, страшный сон Шанель и Лагерфельда, от него за версту разит синтетикой и китайским вещевым рынком! – Петрик уволок меня за колонну, там расстегнул на мне пиджачок, освободив все пуговицы, кроме средней, поправил воротничок рубашки и примирительно сказал: – Ну, не дуйся, моя бусинка. Все мы сегодня тут статисты, наша прима – королева Феодора.

Я перестала хмуриться. В самом деле, что это я? В сегодняшнем спектакле у каждого из нас своя роль, и надо сыграть ее так, чтобы потом не было мучительно больно за урезанную Дорой зарплату.

Я примирительно улыбнулась Петрику, скользнула в беседку и еще раз прошлась по ней, проверяя, нет ли где какого беспорядка.

Ой, а таблички-то, таблички забыли!

Я бесцеремонно покопалась в Дориной сумке, нашла заранее приготовленные карточки и спешно рассовала их по подносам и блюдам с угощением.

Эти карточки – собственное изобретение Доры, на них указано количество калорий, которое можно получить, съев пирожное, канапе или фруктовый салатик. Цифры на карточках написаны нереально маленькие – специально, чтобы побудить гостей есть с аппетитом, сколько влезет, без боязни испортить фигуру. Дора считает, что дамы, вдоволь наевшиеся вкусного и сладкого, становятся добрее и сговорчивее. В начале мероприятия она обязательно подчеркивает, что все наше угощение до смешного низкокалорийное, приготовленное по суперсовременным технологиям здорового питания. Конечно же, это вранье, но кто проверит?

Я еще раз огляделась, подобрала забытые Дорой на стуле бумажки, поправила скрутившуюся плеть плюща. Все готово.

Парень с мандолой – как его? Мандолист? – заиграл что-то легкое, приятное, отчетливо итальянское. Официант-бармен выстрелил в воздух пробкой шампанского и принялся наполнять бокалы.

По красной ковровой дорожке величественно, как айсберг из тумана, выплыла первая гостья – тоже в белом, как и Дора. Она ревниво оглядела нашу королеву, чуть поморщилась досадливо, но тут же расплылась в улыбке и подошла к Ее Величеству Феодоре Первой-но-не-единственной лобызаться в румяные щечки.

– Принимай тело, – шепнула я Петрику.

Он ловко выдвинулся вперед, галантно подхватил даму-айсберг под пухлый локоток и переправил ее к официанту с велком-дринком, освобождая доступ к королевскому телу следующей гостье.

Мероприятие шло по плану. Нарядные радостные гости явились, расселись и зазвенели бокалами и приборами, наваливаясь на «низкокалорийное» угощение.

Дора встала во главе стола и, не мешая дамам наслаждаться едой и напитками, непридуманно произнесла речь, которую я сама написала, а потому не слушала. Так, улавливая краем уха знакомые фразы и рассматривала новых членов нашего клуба.

Тут надо сказать, что к названию «Дорис» у меня есть претензии. Что за Дорис, кто это? Понятно, что Доронина так затейливо сократила фантазийный формат своего бизнеса: «ДОставка Радости И Счастья», но все же Дорис – это женское имя, так кто же она такая?

– Единственная Дорис, которая мне вспоминается, это одна из сводных сестер Золушки, уродливая хозяйка таверны «Отравленное яблоко» в мульте про Шрека, – объясняла я подружке-начальнице. – Тебе с твоим клубам нужны такие ассоциации?

– Не критиканствуй, – отмахивалась Доронина. – Небось это не единственная Дорис в мировой литературе и кинематографе.

– Есть еще рыбка Дори из доброго диснеевского мультлика...

– Ну, вот видишь!

– ...Но она совершенно чокнутая, хотя и славная.

– Я бы сказала иначе: она милая и необычная, – не вняла моим увещаниям непроби-
ваемая Доронина и даже изобразила голубую рыбку на эмблеме своего клуба.

Караваев, которого очень забавляет то, чем мы с Дорой занимаемся, так и называет ее
детище: клуб «Килька»!

Задумавшись, я пропустила большую часть Дориной речи. Застала уже самый финал.

– Счастье неуловимо! – вдохновенно вещала королева Феодора. – Ему невозможно
позвонить, пригласить в гости или послать открытку, его нельзя увидеть или пощупать, зато в
полной мере можно ощутить. У счастья нет адреса, зато он есть у счастливых людей. У счастья
нет лица, но его можно увидеть на лицах тех, кто нашел его. У счастья нет половых призна-
ков, однако оно приходит и к мужчинам и к женщинам. У счастья нет желудка, но его надо
постоянно подпитывать.

Тут Дора бросила в рот виноградину, отсалютовала слушательницам бокалом, глотнула
шампанского и повторила:

– Да, да! Я считаю, что его, это чудесное ощущение счастья, нужно в себе растить, беречь
и всячески подпитывать.

Она сделала паузу, выразительно оглядела охотно подпитывающихся дам и закончила:

– Добро пожаловать в клуб «Дорис» – высокое собрание знатоков и ценителей простых
и действенных рецептов женского счастья!

Дамы заплодировали. Шустрый официант рысцой пробежался вокруг стола, наполняя
бокалы, и члены клуба выпили за женское счастье.

Я незаметно покосилась на наручные часики. Доронина, прикрывась бокалом, вопро-
сительно глянула на меня. «Тяни время» – показала я ей условленным жестом. Доронина кив-
нула и предложила присутствующим проявить гендерную толерантность – выпить и за муж-
ское счастье тоже.

– То есть – за нас, прекрасных! – весело объявила она.

Дамы оживились, захихикали, снова зазвенели бокалами.

У меня в кармане беззвучно вздрогнул мобильник – пришла эсэмэска от Эммы: «Попали
в пробку, будем через минуту». Я жестом изобразила эту минуту, подняв указательный палец.
Дора понятно кивнула и вальяжно молвила:

– Вот тут мне коллеги подсказывают, что в народе бытует мнение, будто у каждой
женщины есть один-единственный суженый, ряженный, на роду написанный мужчина. Это,
конечно, не так.

Дамы завозились, одобрительно кивая и заинтересованно блестя глазами. Я расслаби-
лась. За Дору можно не беспокоиться, она умеет и любит заговаривать людям зубы. Минуту
уж точно продержится.

– Частенько можно услышать: как мало нужно человеку для счастья! – разливалась наша
королева. – По моим наблюдениям, тот, кто так говорит, обычно имеет в виду не себя, а какогото
другого человека. И скорее мужчину, чем женщину. Сразу оговорюсь: я не принадлежу к
растущей армии воинствующих феминисток! – Дора вскинула руки, как бы отбивая возмож-
ные нападки. – Я всегда любила, люблю и, надеюсь, буду любить мужчин...

– Одного конкретного мужчину, я надеюсь! – подал голос Петрик, сидящий по правую
руку Ее Величества и играющий роль юного принца-консорта.

Королева-бабушка ласково улыбнулась ему и подмигнула дамам.

– Мужчины достойны нашего женского восхищения как создания более искренние и про-
стодушные. Для сиюминутного счастья им действительно может быть достаточно сущей мало-
сти: качественной телевизионной трансляции футбольного матча, жестоко покоренного Эве-
реста, разгаданной тайны Бермудского треугольника или победы над мировым злом.

– Горячего борща с салом! – вставил Петрик, печально оглядев сладкий стол.

Дамы захохотали. Королева похлопала принца по плечу:

– Крепись, любимый! – И вновь с улыбкой обратилась к дамам: – С нами все не так просто. Женщине для полного и безоговорочного счастья нужно то, что обозначается словом из трех букв.

– Правда?! – показательно обрадовался принц Петрик, провоцируя новый взрыв смеха.

– Вы о чем сейчас подумали? – притворно нахмурилась Дора. – Неверно. То есть верно лишь отчасти. Правильное слово – «всё»!

Хохочущие дамы забили в ладоши. Петрик в напускном отчаянии помотал головой, красиво разлохматив сияющие кудри.

– Душевное спокойствие, мир и лад в доме, регулярные купания в любви и обожании. – Дора ласково потрепала Петрика по волосам. – Здоровье и благополучие всех членов семьи, успех в делах и творчестве, тотальный контроль над свободными радикалами – вот наша женская программа-минимум! Обязательных составляющих женского счастья может быть сколь угодно много, и отсутствие хотя бы одной из них непоправимо нарушает гармонию...

Тут гармонию нарушил дробный топот, похожий на цокот копыт. Дора замолчала и оглянулась.

В беседку, стуча по мрамору металлическими набойками на каблуках, влетела невысокая пухлая дама неопределенных лет – в тесных джинсах и балахонистой белой рубашке, под воротником которой пестрел яркий шейный платок, повязанный на манер пионерского галстука. В руке у толстушки был лаковый клатч, на запястьях звенели браслеты.

– Машенька? – удивилась Дора.

Стильные дамы при виде цыганистой Машеньки начали морщиться и переглядываться с видом «это еще кто?». Счесть ее опоздавшей к началу мероприятия не позволяло отсутствие свободных посадочных мест.

– Я на секундочку! – Машенька швырнула на стол свой клатч и кинулась на шею Дорониной. – Дорочка, дорогая, спасибо, спасибо, не знаю, как и благодарить, у меня все получилось!

– Да? – Дора поверх плеча повисшей на ней Машеньки извиняюще улыбнулась заинтригованным дамам. – Присядешь с нами, расскажешь о своих успехах?

Я встала, демонстрируя готовность уступить новой гостье свое место за столом. Машенька отцепилась от Доры и помотала головой:

– Не могу, я на секундочку забежала, меня там ждут.

– ОН? – многозначительно уточнила Дора.

– ОН! – ликующе подтвердила Машенька и щедро рассыпала воздушные поцелуи. – Девочки, всем удачи, верьте Доре, она такая, такая... Люблю! Целую! Вернусь из Греции – позвоню!

Толстушка вылетела из беседки так же стремительно, как и влетела.

– Кто же ОН-то? – Дора шагнула к балюстраде, провожая Машеньку задумчивым взглядом. Дамы моментально повскакивали с мест и кукушечками высунулись меж колонн, чтобы тоже увидеть, кто ОН и какой.

Я тоже подошла и посмотрела. Рядом тут же возник Петрик.

– О, а малыш подкачался, – одобрительно сказал он мне на ухо, – уже не бледный глист – юный мачо!

ОН и впрямь смотрелся очень неплохо. Голубые джинсы подчеркивали длинные стройные ноги, эластичная черная футболка обтягивала широкие плечи и рельефную грудь.

Дамы в беседке заахали умиленно и восторженно.

ОН, увидев, что его рассматривают, просиял белозубой улыбкой и помахал дамам ручкой.

– И бронзант хороший, загар совсем как натуральный получился, – отметил Петрик.

Толстушка Машенька, с необыкновенной легкостью проскакав по ступенькам, влетела в объятия мачо и залиvisto засмеялась. Мачо мужественно хохотнул, подхватил даму на руки и унес за поворот, где мы уже не могли их видеть.

– Хоть бы не уронил ее, – пробормотала я.

Как бы мачо не пыжился, он не Геракл.

– Ничего, там кусты мягкие, – успокоил меня Петрик.

Мы вернулись к столу. Дамы с задумчивыми и мечтательными лицами занимали свои места.

– Люся, Маша сумочку оставила! – спохватилась Доронина.

Все уставились на забытый клатч. Я подошла и взяла его, но неудачно – вверх ногами, так что на пол выпали какие-то бумаги. Я подняла их: рекламный буклет элитного жилого комплекса и два билета на самолет.

– Кто-то вьет уютное гнездышко, – с пониманием прокомментировала Дора, щелкнув ногтем по буклету.

– И летит на Санторини, – завистливо добавила я и под тихий стон присутствующих заторопилась на выход. – Догоню, верну ей...

Эмма с Машенькой ждали меня на парковой лавочке с видом на карусели.

Машенька успела стереть косметику, закатала джинсы, сняла с шеи старомодный платочек, повязала его на голову на манер банданы и теперь выглядела на свои честные двадцать. Эмма перестал пыжиться, изображая гренадерскую статью, и вольготно раскинулся на лавочке – долговязый парнишка, похожий на молодого лося. В руке у него был рожок с мороженым – надо полагать, очень вкусным. Эмма сладко чавкал и жмурился от удовольствия.

– А вот и наши денежки! – увидев меня, обрадовалась Машенька.

Я молча вручила ей «забытый» клатч и выдала им обоим по тысяче рублей.

– Ну, как мы сыграли? – явно напрашиваясь на похвалу, спросил Эмма.

– Публика в восторге. – Я отправила в ближайшую урну уже ненужный рекламный буклет и фальшивые авиабилеты, напечатанные на принтере.

– А можно мне в следующий раз роль со словами?

– Со словами роль только у Доры. Шли бы вы отсюда, чтобы наши дамы вас не увидели, они уже скоро будут расходиться.

– Ну и ладно, нет слов – есть деньги. – Машенька, не столь амбициозная, как ее партнер, встала с лавочки и потянула за собой Эмму: – Пойдем, Витек, в пельменную.

– Пелемень! Требуют наши сердца! Пелемень! Требуют наши глаза! – радостно запел вечно голодный братец, послушно топая за подружкой.

Я проводила веселую молодежь добрым родительским взглядом и пошла обратно в беседку.

Дамы во главе с Дорой под руководством оператора выстраивались на лестнице для общего фото. Дело это было непростое, потому как каждая мадам желала оказаться ближе к центру. Оператор проявлял чудеса дипломатии, королева Феодора, вокруг которой группировались ее новые подданные, молчала и улыбалась – она была выше мелочной суеты. Я не стала мешать многотрудному финальному процессу и поднялась к беседке с другой стороны, по тропинке.

За круглым столом сидел один Петрик. Он скинул пиджак, расстегнул рубашку и, мыча от удовольствия, ел пирожные, на которые при дамах вынужден был смотреть с показным отвращением.

Снаружи, за колоннами, звенел посудой, складывая ее в корзины, бармен-официант. По песчаной дорожке со скрипом подъехала тележка цветочников.

– Флористику забираем?

– Забирайте.

Позвонили декораторы, сказали, что уже подъехали за мебелью. Подошел оператор и напомнил, что рабочку с камеры на общаке он сольет, как обычно, в облако, а крупные планы предоставит по запросу. Я кивнула, слегка покривившись: не люблю отсматривать видеозаписи, а придется. Дора требует от оператора фиксировать реакцию дам на ее слова, а от меня – конкретизировать, кого что очевидно зацепило. Это очень помогает нашей августейшей начальнице в дальнейшей работе с новыми вассалами.

Проводив милых дам, в беседку вернулась Доронина. Она скинула туфли, с наслаждением потопала босыми ногами по холодному мрамору и пафосно изрекла:

– Как говорят в Голливуде – я слишком стар для этого дерьма!

– Пора убираться отсюда, – ответила я другим расхожим штампом.

– Сдадим декорации и бутафорию – и уберемся, – согласилась Дора, массируя голени. –

Ох, нелегко наш хлеб...

– Нет хлеба – будем есть пирожные, – перефразировала я другую королеву.

– А где сочувствие, не поняла?

– Ты ждешь от меня сочувствия? – удивилась я.

– А ты не ждешь?

– Жду. Зарплату!

– Какая же ты корыстная. – Доронина с кряхтением разогнулась, полезла в сумку, достала пухлый бумажник, посмотрела на меня, покачала головой и пошла расплачиваться с музыкантом и оператором.

Вот так всегда! Кто больше всех работает – тот меньше всех ест.

Сокрушенно вздохнув, я нагребла на тарелку пирожных и села рядом с Петриком.

– Телефончик музыканта дашь? – спросил дружище, наблюдая, как Дора, шевеля губами, отсчитывает гонорар томному длинноволосому мандолинисту.

– Понравился? А говорил, инструмент у него маленький...

– Надо рассмотреть поближе...

– Чего хихикаем? Что замышляем? – вернулась Доронина.

Строгая, сердитая. Не любит расставаться с денежками.

– Да мы тут о своем, о девичьем. Ты скажи лучше, как наши успехи?

– Неплохо. – Складочка на лбу Доры, единственная настоящая среди нарисованных морщинок, разгладилась. – Пять записей на личные консультации, десять броней на майские костры с очищением и созиданием и полный аншлаг на шаманские банные практики.

– Значит, мы в прибыли, – резюмировала я и встала, потому что пришли декораторы забирать стол и стулья. – Гоните мою зарплату, Федор Михалыч, я хочу купить себе новый костюмчик, этот Петрик заклеил как китайскую дешевку.

– Шопинг, шопинг, мы идем на шопинг! – по-детски обрадовался Петрик.

– Ладно. – Дора открыла бумажник и выдала нам денег. – Но чтобы новость на сайте и посты с фотками в соцсетях были к вечеру, а не завтра на рассвете!

– Да, моя королева! Будет исполнено, моя королева!

Начальница закатила глаза, а мы с Петриком, толкаясь локтями и хихикая, поспешили удалиться.

Предаться разнузданному шопингу не удалось.

Мы с другом еще не успели выйти из парка, как позвонила Доронина.

– Далеко убежали? – грозно громынула она.

– Э-э-э... – Я замялась, не зная, как лучше ответить.

– До канадской границы, – шепотом подсказал Петрик, чутко уловив раскаты грома в трубке.

– Как раз выходим из парка. – Я решила не врать, потому что голос у Доры был уж слишком озабоченный.

Должно быть, что-то случилось.

И точно!

– Не выходите пока, пробежитесь по аллеям, поищите одну красавицу из наших новеньких, она из беседки вышла, а к своей машине с водителем не пришла. А он тут волну-у-уется! – По тону чувствовалось, что избыточное волнение потерявшего хозяйку водителя их величество не одобряют.

– Что за красавица?

– Афанасьева Ольга Петровна.

– Приметы дай. – Я не успела запомнить наших новеньких по именам и фамилиям.

– Да такая блондинистая, вся в розовом. Петрик наверняка запомнил, от нее неправильными духами пахло.

– Сейчас поглядим.

Я сунула мобильник в карман и посмотрела на Петрика.

– Неправильно пахнущая блондинка в розовом – тебе это о чем-нибудь говорит?

– Это говорит мне о вопиющем отсутствии вкуса! – Дружище скривился. – К парфюму-то нет претензий, «Розес де Хлое» – композиция две тысячи восьмого года, уже почти классика. Дамасский сорт слегка разбавлен бергамотом, лимоном и личи, воссоздана атмосфера утонченного парижского сада...

– Так в чем проблема-то? – перебила я нетерпеливо.

Петрику только дай порассуждать о чем-нибудь эдаком – успеешь состариться, пока он выговорится.

– Да в том, что никак не подходит к такому парфюму многослойный наряд из розового шелка с оборочками! Пахнешь, как роза – хорошо, но не надо при этом наряжаться царицей цветов, это явный перебор, наряд для карнавала!

– Отлично, значит, ты эту розовую тетку запомнил и узнаешь, если увидишь?

– Даже если не увижу, я ее с закрытыми глазами узнаю – по запаху!

– О'кей, тогда я смотрю, а ты нюхаешь.

Мы резко сменили курс и пробежались по Городскому саду, высматривая розовые оборки и вынюхивая дамасский сорт с бергамотом, лимоном и чем-то там еще.

На магистральных парковых аллеях гражданкой Афанасьевой Ольгой Петровной не пахло. На тропки в зарослях соваться не хотелось: обута я была неподходяще для активных разыскных работ. На каблуках по гравию не побегаешь.

– Пройдем еще вон по той асфальтированной дорожке – и этим ограничимся, – с пониманием отнесся к моей проблеме чуткий Петрик. – Больно надо из-за какой-то розы-мимозы обдирать каблук! Куда пойдём, направо или налево?

– Туда. – Я мудро выбрала путь в направлении выхода из парка.

И трагически ошиблась: за первым же поворотом дорожка почти потерялась в зарослях цветущих кустов. Пришлось буквально продирается через жасминовые и сиреневые джунгли!

Дорожка, как на грех, оказалась отнюдь не прямой – не иначе ландшафтный дизайнер планировал ее с тяжелого похмелья, сильно дрожащими руками.

Я с громким треском и тихим матом петляла среди цепких кустов вслед за Петриком, который мужественно шел первым, протаптывая путь своими более удобными, чем мои каблучки, оксфордами...

И вдруг я поняла, что слышу треск и шорохи со стереоэффектом! Впереди шумел Петрик, а сзади-то кто?

Я оглянулась через плечо и отчетливо увидела в зеленях за спиной приближающуюся крутую волну. Кто-то еще ломился сквозь недобитый нами жасмин, следуя тем же курсом!

Мое воображение мигом нарисовало злого лесного кабана с маленькими глазками и большими клыками. Моя рассудительность оценила крутизну волны, затронувшей даже макушки кустов, и решила, что кабан для этого маловат. Воображение с готовностью развеяло кабана и нарисовало большого и злого лесного медведя.

– Откуда в парке лесной медведь? – решительно не согласилась я и повысила голос: – Эй, кто там?!

Волна остановилась. Обрадованная, я развернулась и двинулась в обратном направлении. Волна, секунду помедлив, тоже покатила назад.

– Врешь, не уйдешь!

Я ускорила, преследуя условного кабаномедведя, и наверняка настигла бы его, не попади мой каблук в глубокую трещину на асфальте.

«Крак!» – сказал мне на прощание каблук.

Я выругалась и вовсе непечатно.

– Что? Почему? Зачем? – примчался Петрик, оценил диспозицию, присвистнул и резюмировал без должной скорби: – На этом поиски пропавшей тетки окончены, не будешь же ты скакать в одной туфельке, как Золушка.

Дружище поддержал меня, проследил направление моего напряженного взгляда и уточнил:

– А ты зачем побежала обратно?

– Затем, что нас кто-то преследовал! Крался в зарослях, пригнувшись. А когда понял, что я его заметила, развернулся и дернул в обратном направлении!

– Это могла быть собака, – предположил Петрик.

– Ага. Скажи еще – кабан или медведь.

– Постой-ка...

Отважный дружище оставил меня в относительно устойчивом равновесии (как, интересно, цапли подолгу стоят на одной ноге и не падают?) и пошел вслед за собакокабаномедведем.

Мы с моей рассудительностью отметили, что Петрик сотрясает кусты отнюдь не так мощно. Значит, тот, кто следовал за нами, крупнее будет.

– Это была не собака. – Мой друг вернулся, помахивая какой-то тряпочкой, как народная плясунья – платочком.

Тряпочка была черная, маленькая, трикотажная, неправильной формы. Ее будто зубами выдрали... Неумное воображение снова нарисовало мне собаку, кабана и медведя, любезно предложив разных зубастых на выбор.

– Натуральный хлопок, – так и сяк покрутив лоскуток, сказал Петрик. – С добавкой эластана ткань бы тянулась, а так порвалась на раз-два.

– Чего это она вдруг порвалась?

Воображение, чтоб ему, живо нарисовало батальную картинку «Петрик, терзающий врага, не щадя маникюра своего».

– А там среди жасмина акация прячется, тоже цветущая, но жутко колючая – шипы с мой мизинец, – охотно пояснил Петрик и завертелся, пытаясь заглянуть себе за спину. – Посмотри, моя-то одежда не пострадала?

Я посмотрела и доложила:

– На брюках сзади есть затяжка, но ее можно вправить, а дырок нет, не волнуйся.

– Ну как же не волноваться, если за нами кто-то следит? Это же не к добру?

– Конечно, не к добру. Я вот каблук сломала! – расстроилась я.

– А он футболку порвал, так что пока мы равно несем потери, – попытался меня утешить Петрик. – Давай-ка выбираться из этих джунглей к цивилизации, надо вызвать такси.

Кое-как мы добрались до края парка, вызвали такси. Уже из наемного экипажа я позвонила Дорониной, чтобы сказать ей: по аллеям мы прошлись, но тетку в розовом не увидели.

– Ну и хрен с ней, с этой розой! – припечатала начальница.

Видно, осиротевший шофер уже не стоял у нее над душой и необходимости выбирать выражения не было.

На такси мы с другом доехали до торгового центра. Там я села на мягкий пуфик в салоне обуви и наслаждалась тем, как суетятся вокруг меня бесценный Петрик и активизированные им продавщицы.

Уже в новых туфлях я с Петриком под ручку прошвырнулась по магазинам. Мы купили себе обновок, потом выпили кофе, снова вызвали такси и отправились, нагруженные пакетами и коробками, домой.

И все это время мне казалось, что за нами наблюдают! Я озиралась, засматривалась в зеркальные стекла витрин, приглядывалась к окружающим людям и к машинам, следующим за нашим такси.

Какая-то подозрительная темная тачка как приклеенная катилась за нами от торгового центра до самого въезда в «Баварию», и отвязалась, только когда мы проехали за шлагбаум.

Ощущение недоброго взгляда в спину вызывало чувство жения между лопатками, сильно мешало получать удовольствие от шопинга и вообще изрядно нервировало.

– У тебя нет ощущения, будто происходит что-то странное? – спросила я Петрика, когда мы уже оказались дома и зашли на кухню попить водички.

– Такое ощущение у меня есть, – согласился дружище. – Чего у меня сейчас нет, так это времени на пустые разговоры. Нужно срочно доверстать каталог...

– А мне новость о сегодняшнем мероприятии сделать...

– Значит, не будем сейчас думать о странном.

– Мы подумаем об этом завтра?

– Нет. – Петрик был немногословен – торопился закончить свою работу. – Встретимся на кухне...

– Место встречи изменить нельзя?

– В восемнадцать ноль-ноль...

– Сверим часы?

– Да Люся, кончай уже хохмить! – Дружище вспылил, и я вскинула руки – мол, все, сдаюсь, больше не буду. – За ужином поговорим, океюшки?

Мы разбежались по комнатам, чтобы засесть за компьютеры.

Примерно через час – точно в срок – я вышла из своей комнаты, но Петрик уже хлопотал на кухне. Когда я явилась, в духовке уже что-то аппетитно шкворчало, а дружище снимал с себя фартук.

– И что у нас на ужин? – поинтересовалась я, приняюхиваясь в предвкушении.

– Лазанья. Ты моешь овощи и делаешь салат.

Петрик вручил мне переходящий фартук, открыл бутылку вина и устроился на высоком барном стульчике с бокалом красного сухого. Я поняла, что можно начинать отложенный разговор.

– Так вот о странном. Начиная с сегодняшней прогулки по парковым кустам меня не покидает неприятное чувство, будто на меня постоянно кто-то смотрит.

– Конечно, на тебя постоянно кто-то смотрит, – охотно подтвердил дружище. – Ты же у нас красotka, моя бусинка, на тебя всегда приятно посмотреть.

– Мерси за комплимент, но я не об этом. Мне кажется, за нами следят. Ты не заметил, что вслед за нашим такси до самой «Баварии» ехала какая-то подозрительная машина? Мы закатались под шлагбаум, а она осталась за оградой, но пешеходам ведь не нужен пропуск на территорию...

– Ты хочешь сказать, что кто-то может наблюдать за нами прямо сейчас?! – Сообразительный Петрик подхватился, спрыгнул с табурета и кинулся к окну, на бегу скомандовав мне: – Свет погаси!

Я послушно шелкнула выключателем.

На улице еще не стемнело, но в кухне горели точечные светильники над рабочим столом – я очень тщательно перебираю свежую зелень для салата. Не люблю, знаете ли, находить в своей тарелке жучков-червячков.

– И что там?

В отличие от Петрика, я не спешила подойти к окну. Мало ли, вдруг за нами и вправду следят. И не просто так, а с конкретной нехорошей целью. Да я тысячу раз видела в кино, как растяпу у окна снимает вражеский снайпер!

– Вроде все как обычно. Разве что наша пиццерия сегодня расширила свой летник, столы и стулья чуть ли не по всей площади стоят. Народу много, свободных мест мало. О, теперь там будет живая музыка – я вижу подобие деревянной эстрады, а на ней какая-то грудастая брюнетка в жутко пошлом платье из серебряной чешуи страстно тискает микрофон. Но еще не поет. – Петрик приоткрыл, послушал и снова закрыл окно, после чего доложил: – Пока еще Челентано разливается.

В пиццерии «Адриано» постоянно крутят одни и те же песни старых добрых итальянцев – лучшие хиты с фестиваля в Сан-Ремо. Хорошо, что у нас тройной стеклопакет и отличная звукоизоляция, иначе я спятила бы, день-деньской слушая Тото Кутуньо, Андреа Бочелли, Джанни Моранди и Аль Бано с Роминой Пауэр.

– То есть среди сидящих за столиками в новом летнике может быть и тот, кто сейчас наблюдает за нами, – сделала вывод я. – С площади прекрасный вид на наши окна...

Свистнули, съезжаясь вместе, крылья плотных штор.

– Даже так? – Я неприятно удивилась.

Мой друг-дизайнер обожает воздух и простор во всем, не только в верстке. В общих помещениях нашей квартиры – в кухне и гостиной – мы даже на ночь не задерживаем шторы. Петрик утверждает, будто в закрытом пространстве у него начинается клаустрофобия. Как же он проникся моими пугающими рассуждениями, если сам занавесил окно!

– Не нравится мне все это, – сказал дружище, вернувшись на барный стульчик и жадно глотнув винишка.

Я ничего не успела сказать – зазвонил мой мобильный, оставленный на барной стойке. Петрик покосился на подрагивающий аппарат и почему-то шепотом сообщил:

– Незнакомый номер.

У меня руки были мокрые, и я глазами показала другу – возьми, мол, телефончик.

Петрик послушался, принял звонок и тихо, таинственно прошелестел в трубку:

– Слушшшаю...

Я качнулась к нему, вытягивая шею. Секунд на двадцать установилась немая сцена с участием двух персонажей – кривобокого жирафа (я) и вспугнутого суслика (Петрик). Потом суслик шевельнул лапкой, сбросил звонок и насвистел мне:

– Ни звука...

– В смысле?

– Ну, тишина была в трубке. Одно зловещее сопение!

– Давай не будем накручивать. – Я тоже взяла бокал, плеснула в него вина и выпила его залпом. – Мало ли кто позвонил. Может, по работе. И, может, как раз связь оборвалась. Это еще ни о чем не говорит.

«Бум-бум-бум!» – загремела стальная входная дверь.

Мы с Петриком вытаращились друг на друга новыми пятирублевыми глазами – круглыми и лихорадочно блестящими.

«Бум-бум-бум» в дверь повторилось с заметным повышением громкости.

Я тихо, крадучись двинулась в прихожую.

– Куда? Возьми хоть что-нибудь! – яростно прошептал мне вслед Петрик.

Дружище явно не имел в виду хлеб-соль для торжественной встречи. Я еще не подошла к двери, когда он настиг меня со скалкой в одной руке и пустой бутылкой в другой. Надо же, мы успели выпить все винишко?

– Держи. – Петрик отдал мне скалку, оставив себе бутылку, и мы одинаково вздернули их в высоком замахе.

«Бум-бум-бум-бум!» – шумно завибрировала дверь.

Кому-то не терпелось отведать нашего гостеприимства.

– Кто там? – напыжившись, громко и грозно спросил Петрик.

– Свои, – уверенно ответил неузнаваемый хриплый бас.

– Ну, хлеб да соль вам, коль свои, – пробормотала я, свободной рукой нащупывая дверной замок. – Точнее, скалка вам да бутылка...

Прятаться от неведомой опасности – это не мой стиль. Я Люся Суворова, и славная фамилия обязывает меня бесстрашно принимать бой!

Я широко распахнула дверь.

– Эй, вы чего? – прохрипел неузнаваемый бас. – Ужрались, что ли, и деретесь тут? Как знала, что не надо вам зарплату давать.

Под арку, образованную нашими с Петриком вздетыми руками с бутылкой и скалкой, слегка пригнувшись, отважно шагнула Доронина. Она прошла в прихожую, развернулась и хмыкнула через плечо:

– Ну, прям «Рабочий и колхозница», скульптора Мухиной на вас нет!

Не дожидаясь приглашения, Дора протопала в кухню и громыхнула о столешницу принесенными бутылками.

– Вот почему она не звонила в дверь, а стучала ногами, – глубокомысленно изрекла я. – У нее руки были заняты!

Петрик очнулся и побежал проявлять гостеприимство – не то, которое со скалками-палками, а традиционное, с хлебом-солью. Точнее, с салатом и лазаньей.

– О, коньячок? Очень кстати, мы как раз уже допили вино, – услышала я и тоже побрела из темной прихожей на свет, звук и запах.

Лазанья как раз дошла до кондиции.

Мы сели за стол и поужинали. За едой ни о чем неприятном не разговаривали – Дора, наш видный специалист по правильному питанию счастья, утверждает, что портить себе удовольствие от приема вкусной еды ни в коем случае нельзя. Мол, разрушительные вибрации и негативные флюиды недобрых слов передаются насущному хлебу, салату, лазанье и коньяку, с ними вместе попадают в организм и с удвоенной силой терзают нас изнутри.

Поэтому лишь когда хозяйюшка Петрик убрал со стола опустевшие тарелки и выставил рюмки и вазочку с конфетами, я спросила:

– Федор Михалыч, у тебя все в порядке?

– Хочешь знать, чего я приперлась на ночь глядя – так и спроси, – огрызнулась Доронина, наполняя рюмки.

– Я вежливая!

– Так вежливо спроси.

– О`кей. Чему обязаны вашим визитом, уважаемая?

Уважаемая хлопнула рюмашку, развернула конфету, сунула ее в рот и с оттопыренной щекой промычала:

– Хреново мне...

Я отняла у нее конфетный фантик, чтобы она не хрустела им, сворачивая и разворачивая – есть у Дорониной такая дурная привычка.

– Я вижу, ты осипла, дарлинг. Фарингит, ларингит? Слишком много сегодня говорила, да еще это ледяное шампанское... – Сердобольный Петрик погладил Дору по плечу, обтянутому белым хлопком футболки.

Начальница успела сменить наряд и имидж, явившись к нам уже не королевой, а нормальной – или слегка с приветиком – молодой бабой. Теперь на ней были простецкие джинсы с футболкой – кеды она сбросила в прихожей. На лице – никаких нарисованных морщинок, на голове – никаких фальшивых локонов. Стрижка фасона «тифозный барак» – очень короткий ёжик, сегодня – синий. Дора, когда она не в образе августейшей Феодоры Первой, очень любит экспериментировать с цветными тониками для волос.

Я засмотрелась на начальницу и упустила момент, когда опять запел мой мобильный. Вечная командирша Доронина, не дождавшись адекватной реакции на звонок с моей стороны, сама цапнула телефон и сиплым басом выдохнула в него:

– У аппарата!

Будь я на другом конце воображаемого телефонного провода, подумала бы, что речь об аппарате самогонном. По голосу Дору с ее фарингитом-ларингитом запросто можно было принять за сильно пьющего мужика.

Надеюсь, это не Караваев мне звонит.

Я потянулась отнять у Дорониной трубку, но та отодвинулась. Несколько секунд она прислушивалась, морщась, потом с недоумением посмотрела на дисплей, пожалала белыми хлопковыми плечами и отдала мне мобильник:

– Фигня какая-то.

Я забрала свой аппарат, посмотрела – снова вызов с неизвестного номера – и спросила:

– Кто это был?

– Никто. Дед Пихто. Мне не представились.

– А что-то сказали?

– Не-а. Молчали, только дышали жарко. – Доронина поставила на стол локти, подперла ладонями щеки и вдруг заныла, застрадала: – Ой, девки... Что за жизнь у меня такая горемычная? Ни мужа, ни деток, ни кошечки с собачкой, никакого бабского счастья, вообще ничего...

Мы с Петриком переглянулись, понимая, что Ее Величество накрыло откатом.

Когда подолгу напоказ притворяешься видным специалистом по счастью, демонстрируя полную безмятежность и нерушимое блаженство, неизбежно случаются такие приступы грусти-печали.

Дора еще молодец – успела прибежать к нам с Петриком, чтобы не страдать при чужих людях. Я-то уже знаю, как надо действовать в подобных случаях.

– Ничего у тебя нет, это точно. Только квартира в центре, дача за городом, домик у моря и банковские счета – рублевый и долларовый...

– И криптовалютный! – встрепенулась Доронина, ревниво отметив неполную ревизию ее имущества. – Я вам говорила, что прикупила кусочек биткоина?

– Да что ты?! – Петрик изобразил повышенное внимание.

Он тоже в курсе, что лучше всего нашу королеву отвлекают от душевных страданий вопросы развития бизнеса и умножения капитала.

– Ну! Купила, да! А биткоин-то все растет! – Доронина перестала кукситься. – Но вы же меня знаете, я все яйца в одну корзину не складываю. Думаю еще недвижки прикупить, клубу не помешает собственный офис...

Тут она снова нахмурилась.

– С клубом-то что не так? – не поняла я. – Ты же сегодня чуть ли не все опции распродала.

– Угу. – Доронина снова потянулась за бутылкой. – С клубом все было бы хорошо, если бы не некстати пропавшая тетка, эта розовая дура...

– Давайте не будем обобщать. – Петрик одернул свою шелковую рубашечку цвета утренней зари. – Любовь к розовому – еще не признак слабоумия.

– Там есть и другие признаки. – Дора щедро набулькала себе в рюмку коньяка. – Во-первых, эта ду... душистых прерий роза, как там ее? Ольга Петровна! Она велела шоферу ждать своего возвращения, а сама куда-то сдернула.

– Мадам не обязана отчитываться перед прислугой, – заметила я.

– Во-вторых, позже днем у нее была назначена деловая встреча, на которую она не пришла, – укоризненно покосившись на меня, продолжила Дора. – В-третьих, в их благородном семействе заведено встречаться дома за ужином, а мадам попраля традиции и не вышла к столу. И, главное, никого не предупредила, что никуда не явится – ни к шоферу, ни к адвокату, ни к ужину!

– А нам-то что? – не поняла я. – Ну, загуляла тетенька. Скандал в благородном семействе. Клуб наш при чем?

– Ну, привет! – Дора выпучила глаза. – Как ты не понимаешь?

– Мы в ответе за тех, кого приручили! – провозгласил Петрик и стратегически отступил к мойке – сражаться с грязной посудой.

– А если с ней действительно что-то случилось? – Доронина продолжала таращиться на меня. – Мы же будем последними, кто ее видел!

– И что? – Я все еще не понимала, в чем проблема. – Постой... Ты, похоже, недоговариваешь. Мы чего-то не знаем?

Я оглянулась на Петрика у мойки – он замер с намыленной губкой в поднятой руке. С нее хлопьями падала пена.

– Когда я покидала парк, его уже прочесывали в поисках пропавшей тетки, – неохотно призналась Дора. – У нее муж не то сильно состоятельный, не то очень влиятельный, не то два в одном. Полиция мгновенно возбудилась – невиданное дело...

Тут, перебив хозяйку, завопил Дорин мобильник. Она нервно выдернула его из кармана и с размаху вlepила себе в ухо:

– Ну?!

Смартфон уныло и непонятно заквакал. Дора помрачнела пуще прежнего.

– Ладно. Сейчас пришлю адрес.

Горбясь и хмурясь, она затыкала пальцем в дисплей.

– Чей адрес ты пришлешь и кому? – У меня возникло нехорошее подозрение.

– Ваш и кому надо, – огрызнулась начальница.

Потом она вздохнула и сказала почти виновато:

– Вернее, кому не надо, но он пристал как банный лист – «нужно срочно встретиться, есть важный разговор».

Она приложила руку к разгоревшемуся лбу, пробормотала:

– Пойду-ка я умоюсь, – и, тяжело поднявшись, побрела в ванную.

– По-моему, наша Дорочка заболела, похоже, у нее повышенная температура, – проводив подругу-начальницу озабоченным взглядом, сказал Петрик. – Надеюсь, это не ковид, ведь мы с тобой еще не сделали вторую прививку.

– Нет, это не ковид, – успокоила его я. – Я лучше знаю Дору и помню эти признаки со студенческих лет. Доронина хамит и краснеет от беспомощности, когда теряет уверенность в себе и своей нерушимой правоте, а признаться в этом не может. Она реально встревожена, друг мой Петрик. Вот только чем?

– Возможно, ее гость нам это прояснит.

Но гость, явившийся примерно через четверть часа, не захотел вести свой важный разговор при всей честной компании. А мы-то с Петриком уже и четвертую рюмку на стол поставили, и конфеток в вазочку подсыпали, и лимончик нарезали!

– Где мы можем уединиться для приватной беседы? – вполголоса осведомился вновь прибывший у Доры, которая, зараза такая, до самого его появления так и сидела в санузле.

То ли долго и упорно гасила там холодной водой разгоревшиеся щеки, то ли (что более вероятно!) пряталась от наших с Петриком расспросов.

– Поговорим в гостиной, – даже не спросив нас, хозяйев, решила Доронина и, заведя туда своего гостя, со скрежетом закрыла раздвижные двери перед нашими любопытными носами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.